

УДК 1 (091)

Н.И. КАРЕЕВ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАЖИРОВКИ И ВСТРЕЧИ КАК ФОРМА НАУЧНОГО ДИАЛОГА¹

Е.Е. Михайлова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

DOI: 10.26456/vtphilos/2021.3.142

Показано, как Н.И. Кареев, петербургский историк, философ истории, позитивист, социолог рубежа XIX–XX вв., воспринимал и оценивал «встречу» разных культур во время своих заграничных научных командировок и частных поездок и как использовал этот потенциал в своих исследованиях. Встречи за границей для Кареева становились формой научного диалога, важного в перспективе международной исследовательской деятельности. Пространство заграничных общений осознавалось им многообразно: как культурная идентификация, совместная рефлексия над проблемой (М.М. Ковалевский), сравнение концепций (П.А. Кропоткин, А. Олар), встреча сознаний познающих субъектов (Н.-Д. Фюстель де Куланж), поиск новых методологических приемов (Ш.-В. Лангуа, Ш. Сеньобос).

Ключевые слова: *Н.И. Кареев, культура, философия истории, научный диалог, заграничная стажировка.*

Актуальность темы заключается в том, что реалии современного мира свидетельствуют о важности цивилизационных ценностей интеркультурного взаимодействия. Термин «цивилизационный» в данном контексте подчеркивает значимость на уровне выживания и сохранения человечества, а термин «интеркультурный» подчеркивает значимость равенства культур, больших и маленьких, традиционных и современных. Интеркультурное взаимодействие следует отличать от двух других форм коммуникации – межкультурной и мультикультурной. Первая форма предполагает доминанту одной культуры над другой, а вторая – «плавильный котел» культур, в котором вызревает некое новое образование. Тем самым концепт интеркультурности подчеркивает ориентированность на признание Другого, благодаря которому динамичное пространство «интер-» является «местом встречи» различных культур и условием обоюдного взаимопонимания и познания [2, с. 11].

О пользе встречи разных культур во время заграничных поездок пишут разные авторы. Классикой в этом жанре считается произведение Н.М. Карамзина «Письма русского путешественника». В контексте непреходящей актуальности темы межнациональных и межгосударственных отношений исследователи признают значимость наблюдений исто-

© Михайлова Е.Е., 2021

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ «Университетская философия в Санкт-Петербурге: опыт просопографического исследования» № 20-011-00071.

рика. Колоритные характеристики Карамзина, его зарисовки другой культуры помогают сегодня корректировать собственную оценочную позицию в отношении толерантности к «инаковости» [4]. В последние годы специалистами разных направлений социогуманитарного знания высвечены аспекты встреч культур во время заграничных поездок или путешествий. Например, весьма любопытно анализируются мировоззренческо-идеологические [1], религиозные [3] и гендерные взаимодействия [8].

Автор данной статьи разделяет интересы коллег, изучающих сущность научной заграничной стажировки профессоров и преподавателей университетов [5]. В России такая практика применялась с 1880-х гг., была прервана в годы Первой мировой войны и восстановилась в полной мере только в 1990-х гг. Поэтому цель статьи – рассмотреть встречи ученых за границей как особую форму научного диалога. В качестве конкретной иллюстрации использованы воспоминания и работы петербургского историка, представителя позитивной философии истории, социолога Николая Ивановича Кареева.

В России конца XIX – начала XX вв. практиковались среднесрочные поездки российских ученых на Запад. Как правило, это были постдипломные командировки штатных преподавателей университетов в самом начале их карьеры. Так случилось и с Кареевым. В его воспоминаниях «Прожитое и пережитое» (написаны в 1929 г., впервые изданы в 1990 г.) тема заграничных поездок особо выделена в двух главах. Глава 7 обозначена автором как «Первые заграничные поездки и встречи», а глава 10 как «Новые заграничные поездки и встречи». Однако отчетливо видно, что в кареевских мемуарах рефреном проходит тема важности встречи автора с содержанием западноевропейской науки, в целом, и с носителями научного знания [«учеными знаменитостями» в терминологии Кареева. – *Е.М.*] в частности.

Первую поездку по Европе Кареев совершил в 1877–1878 г. Как уже отмечалось, по сложившейся университетской традиции России того времени заграничную командировку предоставляли на один-два-три года. По признанию самого Кареева, он воспользовался служебной стажировкой на один год для написания докторской диссертации. На этот раз у Кареева сложились три формы встреч: первая – с русскими философами, учеными и общественно-политическими деятелями, живущими по разным причинам за границей; вторая – с зарубежными коллегами и политиками; наконец, третья – с друзьями. Атмосфера этих встреч, по свидетельству самого Кареева, проходила в «обстановке отличных библиотек, архива», а также в часы «отдохновения в тесном кругу симпатичных людей» [7, с. 146]. Рассмотрим содержание и значимость этих встреч для самого Кареева, а также, возможно, и для развития русской науки в целом.

Все время своей первой заграничной поездки Кареев пребывал в обществе московских друзей Ливенцовых, живших в ту пору в Париже. В тесный круг его общения вошли тогда доцент Харьковского университе-

та Константин Алексеевич Андреев и московский врач, ставший впоследствии профессором медицинского факультета, Владимир Карлович Рот. Зачастую все вместе они обедали в кафе «У Дюваля» на бульваре Сен-Мишель, гуляли по Люксембургском саду, ходили в театры, обсуждали насущные темы, в частности, войну России с Турцией 1877–1878 гг., Мак-Магоновскую республику [по имени победившего на выборах президента Франции. – *Е.М.*] и другие актуальные современной ситуации вопросы. В это же время Кареев впервые встретился с Максимом Максимовичем Ковалевским. Встреча возымела длительное продолжение, вызванное их общими научными интересами. В дальнейшем соотечественники часто встречались в Карлсбаде, а также плотно сотрудничали на заседаниях Социологического общества во Франции и в Вольном русском университете, основанном Ковалевским в Париже [7, с. 213, 219].

Встречу с Петром Лавровичем Лавровым Кареев считает знаковой и признается, что прочитал все его работы еще до приезда в Париж и специально искал с ним знакомства. Между соотечественниками установились довольно тесные отношения. Кареев бывал у Лаврова дома, слушал его лекции, проводимые прямо на квартире, делился своими исследовательскими результатами, переписывался с ним, в один из очередных приездов нанес визит вместе со своей женой. Лавров, со своей стороны, одобрительно отзывался об исследовательских изысканиях Кареева. «О моих французских крестьянах Лавров написал сочувственную статью в «Деле», а о докторской диссертации симпатично высказался в заграничном издании «Опыт истории мысли», – пишет Кареев в своих мемуарах не без легкого оттенка удовольствия от похвалы [7, с. 151]. Если верить словам Кареева, то соотечественники вели в первую очередь научный диалог и сознательно старались не говорить о проявлениях русского нигилизма, его причинах и возможных последствиях для страны. «Конечно, мы говорили, но, так сказать, объективно о происходивших процессах 193-х и Веры Засулич, о бывших тогда же покушениях Гёфеля и Нобилинга на жизнь германского императора, но главным предметом наших бесед были социология, история и философия», – пишет Кареев [7, с. 152].

Именно на квартире у Лаврова в разное время произошли встречи Кареева с русскими революционерами Германом Александровичем Лопатиным и Петром Алексеевичем Кропоткиным. С обоими, спустя десятки лет, он не раз встречался, а с последним у него сложилась даже некая форма интеллектуального общения. Например, в 1909 г. вышла книга Кропоткина «Великая Французская революция. 1789–1893». В 1910 г. в журнале «Русское богатство» Кареев отреагировал на нее развернутой рецензией под названием «Новая книга по истории Французской революции». В ответ Кропоткин прислал из Лондона одну из своих книг с автографом, т. е., со слов Кареева, с обычным в таких случаях «подписанием» [7, с. 152].

Славянские симпатии, как выразился сам Кареев, побудили его посетить чешского филолога Адольфа Осиповича Патеру. Этот ученый в

совершенстве владел русским языком, слыл русофилом в профессорском мире, всегда оказывал содействие русским ученым. Те же славянские симпатии и прекрасное знание французского языка привели Кареева к знакомству с французским «славянистом и славянолюбом» [по выражению Кареева. – *Е.М.*] Луи Леже. Он преподавал русский язык в Высшей школе живых восточных языков, к которым французы причисляли тогда и русский язык. Коллеги обменивались знанием тонкостей русского и французского языков. По просьбе Леже Кареев несколько раз приходил на его лекции, чтобы продемонстрировать учащимся настоящее русское произношение. Не без смеха Кареев вспоминает, как французские учащиеся пытались произносить твердое «л» или звук «х» [7, с. 149].

Всем хорошо известно, что во время научных коммуникаций всегда «кто-то кого-то знакомит с кем-то». Так, Кареев познакомил Ковалевского с Лавровым, в свою очередь тот свел его с Ньюма Дени Фюстель де Куланжем. И эта встреча стала весьма плодотворной для научного диалога ученых двух стран. Фюстель де Куланж – французский историк, член Академии моральных и политических наук, профессор, некоторое время возглавлял Высшую нормальную школу в Сорбонне. Его главный труд «Гражданская община античного мира» (1867) был широко известен во многих странах, в том числе и в России. На этой встрече молодой исследователь стал увлеченным учеником, а маститый автор – любезным учителем. Вот как описывает сам Кареев эффект от знакомства и общения: «Свою любезность Фюстель де Куланж простер до того, что прислал мне номер “Journal Officiel” и экземпляр отчетов академических заседаний, говоривших о его докладе. Его же любезностью я был обязан тем, что раза четыре мог быть на уроках истории в Лицее св. Людовика...» [7, с. 148]. Кроме того, Кареев прослушал несколько лекций самого Фюстель де Куланжа о собственности в Спарте. Впоследствии, когда была опубликована названная статья, французский мэтр подарил ее персонально Карееву с подобающей «любезной надписью» [7, с. 149].

Политическая жизнь Франции всегда представляла для Кареева большой научный интерес. Но в данном случае судьба предоставила ему особый подарок. Кареев с упоением вспоминает, как на его глазах бурлила предвыборная волна, закончившаяся победой маршала Мак-Магона, ставшего президентом Французской Республики. Кареев признается, как дважды проникал на предвыборные собрания, как наблюдал за гражданами, когда они подавали голоса на осенних выборах. Все это было для него внове. Особо им описывается атмосфера, царившая на Больших бульварах, когда публично объявлялись результаты выборов. Отмечает, что с большим любопытством побывал в Палате депутатов и от души разделил с французами их национальный праздник 14 июля. Что касается личных встреч, то именно на политической волне Кареев познакомился с редактором газеты «L'Égalité» Лабюскьером. Именно с его помощью Кареев посещал предвыборные собрания и по-

пал в число приглашенных на банкет 21 января 1878 г., устроенного социалистами в годовщину казни Людовика XVI. Нить этой встречи интеллектуально сохранилась. Кареев всегда следил за новинками западноевропейской литературы, в том числе и за творчеством своего давнего французского знакомого [7, с. 147].

Особым символом встречи культур в первых заграничных поездках Кареева можно считать его работу в архивах и музеях, а также посещение лекций знаменитых европейских ученых. В Национальную библиотеку Парижа Кареев попал по весьма своеобразной протекции. Механизм работы оказался таким: по рекомендательному письму московского соотечественника Бокова один из библиотекарей брал на свое имя надобные Карееву книги, и тот работал с ними дома. Судя по воспоминаниям Кареева, тогда же он работал и в Национальном архиве, и в библиотеке св. Женевьевы около Пантеона. Во время следующей поездки, в 1879 г. Кареев работал в Королевской библиотеке Берлина. «Из Королевской библиотеки я таскал книги на дом, по три названия в день, не возвращая взятых раньше, так что со временем у меня скопилось изрядное количество томов», – описывает свой исследовательский голод сам Кареев [7, с. 155]. Нехватка денег (переезды для экономии в поезде по ночам, в третьем классе), вынужденные совместные трапезы (столование с хозяйкой, ее семьей и другими постояльцами) – эти и многие другие повседневные ситуации, похоже, никак не могли унять пыл познания молодого Кареева.

Материальные трудности первых лет петербургской жизни, по признанию самого Кареева, не позволили ему ездить за границу довольно долго, семь лет. Только в 1889 г., когда он стал профессором, возобновились заграничные поездки. Если сравнивать обе волны, то в первые свои поездки Кареев выглядел начинающим исследователем: он осваивал массив архивных источников для диссертации, посещал лекции европейских ученых, занимался в музеях и библиотеках. Весь этот период укладывается в слово «ученичество», в самом его хорошем смысле. Во вторую волну заграничных поездок, с 1889 по 1914 гг., виден уже другой образ Кареева. Теперь он сложившийся ученый, имеющий философский интерес к истории и социологии, профессор Петербургского университета, член Исторического общества и т. д. Однако видна и общая черта обоих периодов – сильная жажда новой информации. Вот как сам Кареев описывает свое типичное поведение за границей: «Во время этих поездок я бегал по книжным магазинам, знакомился с научными новинками, приобретал книги» [7, с. 211].

Формально триада встреч в заграничных поездках Кареева на рубеже XIX–XX вв. осталась такой же, как и в первую волну: русские ученые-эмигранты – европейские ученые – друзья. Однако содержательная сторона диалогов стала явно более глубокой и насыщенной. Хорошие заработки позволили Карееву теперь ездить за границу не только летом с

родственниками, в качестве отдыха, но и одному для научной работы, когда в университете наступали рождественские и пасхальные вакансии. В Национальной библиотеке и Национальном архиве Парижа Кареев собирал материалы для написания курсов по всеобщей истории, продолжал разыскивать архивные материалы по истории Французской революции. В Праге, Кракове и Львове он заводил знакомства с учеными университетов и, как говорится, узнавал из первых рук сведения о политической жизни Австро-Венгрии, необходимые для написания шестого и седьмого томов своей «Истории Западной Европы» [7, с. 213].

«Славянские симпатии» Кареева обогатились в эту волну зарубежных поездок новыми встречами, например, с польским историком Тадеушем Корзоном. Накануне Кареев характеризовал его как серьезного историка в своей книге «Падение Польши в исторической литературе» (1888), поэтому встреча была запланирована и обоюдно ожидаема. В Праге у Кареева сложился целый круг знакомств с учеными разных направлений, владеющих русским языком. Прежде всего это были историки, этнографы, антропологи, археологи, юристы. Среди них наиболее плотное сотрудничество сложилось с профессором Томашом Масариком, будущим президентом Чехословацкой Республики. Схожий философский кругозор и политические интересы сблизили обоих профессоров. Впоследствии они часто встречались и за границей, и в Петербурге, вели оживленные беседы, обменивались своими книгами, содействовали друг другу в организации лекций [7, с. 212–213].

Самыми длительными и частыми для Кареева оказались поездки в Париж, что, разумеется, вызывалось научными интересами. Поэтому круг знакомств с французскими историками был самым большим и постоянно расширялся. Габриэль Моно (зять Герцена, редактор), Альфонс Олар (историк Великой Французской революции), Анри Берр (философ, педагог), Шарль-Виктор Ланглуа (историк-медиевист), Шарль Сеньобос (историк, методолог истории), Габриэль Тард (социолог) – и этот ряд можно продолжить еще десятками имен. Однажды возникнув, интеллектуальное взаимодействие сохранялось. Например, изучая книгу Шарля-Виктора Ланглуа и Шарля Сеньобоса «Введение в изучение истории», изданную в 1899 г., Кареев, не смущаясь, публично признается в том, что французские коллеги стимулировали его исследовательский интерес к источниковедению, к критике источников. Начиная разрабатывать вопросы методологии истории, Кареев внимательно следит за спором о «старом» и «новом» направлении в истории, развернувшемся в Германии и Франции, считает полезным для себя прочитать книгу Анри Берра «La synthese en histoire» (1911) [6].

Очевидно, что эти встречи Кареев ценил как форму международного общения, искренне сетовал, что Первая мировая война помешала развитию взаимодействия ученых, и с грустью вспоминал их как «блаженные времена» [7, с. 219].

Выводы. Для Н.И. Кареева встречи за границей стали специфической формой научного диалога. Установленные в юности и затем, как правило, систематически поддерживаемые связи с зарубежными коллегами (публикации, новые поездки, обмен изданиями, личные рекомендации) воспринимались важнейшим способом существования и воспроизводства российской науки. В течение чуть ли не сорока лет, с 1877 по 1914 г., Кареев стажировался, взаимодействовал и обменивался опытом с большим числом европейских коллег и друзей. Такое взаимодействие имело самые разные формы: интеллектуальные беседы, посещение и чтение лекций, работа в архивах, музеях и библиотеках, обмен своими новыми книгами, написание рецензий на свежее издание, организация общественных школ, участие в международных конгрессах. Яркие выраженные лингвистические способности делали Кареева путешественником и лингвистом-полиглотом, способным преодолевать локальное языковое пространство и снижать тем самым дискурсивные культурные различия. Свободно владея французским, немецким, он легко понимал носителей языка, читал в подлиннике трактаты западноевропейских теоретиков, легко встраивался в новую для него культурную локацию.

Явный путешественник по духу, Кареев редко сидел на месте, объездил много русских городов, которые освежали его особым образом. Но заграничные поездки давали массу новых знаний и впечатлений, усиливая тем самым познавательный потенциал. «Больше меня вообще тянуло на Запад, что и понятно по отношению к такому западнику, как я. Меня влекла туда культура, влекла возможность хоть временно окунуться в более свободную жизнь, влекли музеи и библиотеки, влекли интересные люди», – эти признания Кареева ярко иллюстрируют тот факт, что встречи за границей были для него важным способом вести профессиональный и личностный диалог [7, с. 211].

Список литературы

1. Бекленищева М.В. Зарубежные поездки свердловчан в 1959–1989-е годы как фактор изменения восприятия мира // Россия и современный мир. 2021. № 2 (111). С. 199–215.
2. Ботева-Рихтер Б. «Интер-» как метафора мышления – метод Т. Вацудзи и его применимость в современном интеркультурном дискурсе // Философский полилог: Межд. центр изучения русской философии / под ред. А.В. Малинова, В.В. Козловского. 2020. 2 (8). С. 11–27.
3. Гавриков А.А. Заграничные поездки духовных лиц иркутской и забайкальской епархий как фактор укрепления связей с духовными миссиями в странах Дальнего Востока (вторая половина XIX – начало XX в.) // Православие и общество: грани взаимодействия. Материалы II Международной научно-практической конференции. Отв. ред. Е.В. Дроботушенко. 2018. С. 87–91.
4. Гуминский В.М. «Письма русского путешественника» в контексте развития русской литературы путешествий // Литературоведческий журнал. 2017. № 40. С. 74–145.

5. Дмитриев А.Н. Заграничная «аспирантура» как институт подготовки российских профессоров накануне Первой мировой войны // Профессорско-преподавательский корпус российских университетов 1884–1917 гг.: Исследования и документы / под ред. М.В. Грибовского, С.Ф. Фоминых. Томск: Издательство Томского университета, 2012. С. 65–76.
6. Кареев Н.И. Историка. Теория исторического знания // Кареев Н.И. Избранные труды; сост. К.А. Соловьев. М.: РОССПЭН, 2010. С. 352–548.
7. Кареев Н.И. Прожитое и пережитое / подг. текста, вступ. ст. и коммент. В.П. Золотарева. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 382 с.
8. Шатохина С.Б. Русские путешественницы в Европе в середине XIX-начале XX вв. / Вестник Брянского государственного университета. 2019. № 2 (40). С. 115–121.

N.I. KAREEV: INTERNATIONAL INTERNSHIPS AND MEETINGS AS A FORM OF SCIENTIFIC DIALOGUE

E.E. Mikhailova

Tver State Technical University, Tver

It is shown how N.I. Kareev, a St. Petersburg historian, philosopher of history, positivist, sociologist of the turn of the XIX–XX centuries, perceived and evaluated the «meeting» of different cultures during his foreign scientific trips and private trips, and how he used this potential in his research. For Kareev, meetings abroad became a form of scientific dialogue, important events in the perspective of international research activities. The space of foreign communication was realized by him in many ways: as a cultural identification, a joint reflection on the problem (M.M. Kovalevsky), a comparison of concepts (P.A. Kropotkin, A. Olar), the meeting of the consciousness of cognizing subjects (N.-D. Fustel de Coulange), the search for new methodological techniques (S.-V. Langois, S. Senobos).

Keywords: *N.I. Kareev, culture, history, philosophy of history, scientific dialogue, foreign internship.*

Об авторе:

МИХАЙЛОВА Елена Евгеньевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университета», г. Тверь. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Author information:

MIKHAILOVA Elena Evgenyevna – PhD, Prof., Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru